

Научная статья

УДК 82-1

DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-33-46

**Большие и малые трагедии:
как сюжет романа Теодора Драйзера «Американская трагедия»
отразился в рассказе Николая Тихонова «Шутники»**

Борис Вадимович Соколов

Издательство «Вече»

Москва, Россия

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Аннотация

Статья посвящена влиянию сюжетов романов Т. Драйзера «Американская трагедия» и «Сестра Керри» на рассказ Н. С. Тихонова «Шутники». Оба эти романа были упомянуты в телеграмме, посланной Тихоновым в Америку после смерти Драйзера. Показано, что в сюжете «Шутников» происходит сознательное снижение трагичности по сравнению с американскими источниками. Там, где у Драйзера героиня точно гибнет, у Тихонова гибель лишь предполагается. Там, где у Драйзера герой наказывается электрическим стулом, у Тихонова наказывается даже не герой, а вещь – пароход. В свою очередь, Тихонов показывает, что запечатленное в очерке Дж. Лондона Большое землетрясение в Сан-Франциско, произошедшее в том же году, что описанная в «Американской трагедии» история, по своему масштабу была несоизмерима с преступлением Клайда Гриффита. Снижение у Тихонова трагедии человека до трагедии вещи – это скрытая сатира на советское общество, где вещи часто были важнее людей. Также мотив побега с любимым человеком, характерный для «Сестры Керри», в рассказе Тихонова используется для осложнения сюжета и внесения неопределенности в судьбу героини. В его «Шутниках» отразились пьесы А. Н. Островского «Шутники» и «Бесприданница», в которых есть сюжетная перекличка с романами Драйзера, прежде всего мотив бессилия бедных людей в мире больших денег. Тихонову же из-за цензуры приходилось социальное заменять личностным, и поэтому в тихоновских «Шутниках» главный социальный мотив реального преступления Клайда Гриффита – стремление войти в мир больших денег, по необходимости подменяется личностным мотивом вероятного преступления Одинцова – ревностью. Прием подмены подлинной трагедии мнимой, развитый в «Шутниках», используется Тихоновым также в рассказе «Вечный транзит». А в «Рассказе о Щорсе», навеянном фильмом А. П. Довженко «Щорс», скрыто пародируется официальный советский оптимизм в контексте грядущей гибели Н. А. Щорса.

Ключевые слова

сюжет, мотив, сатира, Т. Драйзер, «Американская трагедия», «Сестра Керри», Дж. Лондон, «История очевидца», Н. С. Тихонов, «Шутники» (рассказ), «Вечный Тран-

© Соколов Б. В., 2026

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 33–46
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1, pp. 33–46

Литературная жизнь сюжета

зит», «Рассказ о Щорсе», «Рассказ о Буденном», А. Н. Островский, «Шутники» (пьеса), «Бесприданница, А. П. Довженко, «Щорс»

Для цитирования

Соколов Б. В. Большие и малые трагедии: как сюжет романа Теодора Драйзера «Американская трагедия» отразился в рассказе Николая Тихонова «Шутники» // Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1. С. 33–46. DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-33-46

Great and Small Tragedies: How the Plot of Theodore Dreiser’s Novel “An American Tragedy” Was Reflected in Nikolai Tikhonov’s Short Story “Jokers”

Boris V. Sokolov

Publishing house “Veche”
Moscow, Russian Federation

bvsokolov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8147-4918>

Abstract

The article is devoted to the influence of the plots of T. Dreiser’s novels “An American Tragedy” and “Sister Carrie” on N. S. Tikhonov’s short story “Jokers”. These two novels were mentioned in the telegram which was sent to America by Tikhonov after Dreiser’s death. It is shown that in the plot of “Jokers” there is a conscious decrease in tragedy compared to American sources. Where Dreiser’s female character is definitely killed, Tikhonov’s female character is only probably killed. Where Dreiser’s hero is executed by electric chair, Tikhonov punishes not his hero, but a thing – a steamer. In turn, Tikhonov contrasts the scale of the 1906 San Francisco earthquake (also reflected in the essay “The Story of an Eyewitness” by J. London and occurring in the same year as Dreiser’s tragic narrative) with the crime of Clyde Griffith, highlighting the former’s immensity in comparison. Tikhonov’s reduction of the tragedy of a person to the tragedy of a thing is a hidden satire on Soviet society where things were often more important than people. Also, the motif of running away with a loved one, characteristic of “Sister Carrie”, is used in Tikhonov’s story to complicate the plot and introduce uncertainty into the fate of the female character. His “Jokers” also echoed the plays “Jokers” and “Penniless” by A. N. Ostrovsky, which share plot elements with Dreiser’s novels, particularly in the theme of the powerlessness of the poor in a world of big money. However, due to censorship, Tikhonov shifts the focus from the social to the personal. Consequently, the primary social motive behind Clyde Griffith’s crime in Dreiser – the desire to enter the world of big money – is necessarily replaced by the personal motive of Odintsov’s probable crime – jealousy.

The technique of substituting a genuine tragedy for an imaginary one, developed in “The Jokers,” is also used by Tikhonov in the story “Eternal Transit”. And in the “Story of Shchors”, inspired by A. P. Dovzhenko’s film “Shchors,” official Soviet optimism is covertly parodied in the context of the impending death of N. A. Shchors.

Keywords

plot, motive, satire, T. Dreiser, “An American Tragedy”, “Sister Carrie”, J. London, “The Story of an Eyewitness”, N. S. Tikhonov, “Jokers” (short story), “Eternal Transit”, “The Story of Shchors”, “The Story of Budyonny”, A. N. Ostrovsky, “Jokers” (play), “Penniless”, A. P. Dovzhenko, “Shchors”

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2026. № 1

Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 1

For citation

Sokolov B. V. Great and Small Tragedies: How the Plot of Theodore Dreiser's Novel "An American Tragedy" Was Reflected in Nikolai Tikhonov's Short Story "Jokers". *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 1, pp. 33–46. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-1-33-46

Теодор Драйзер начиная со второй половины 1920-х гг. был одним из наиболее популярных американских писателей в Советском Союзе. Первые переводы произведений Драйзера на русский язык были опубликованы только в 1925 г., после издания в США его самого известного романа «Американская трагедия» ("An American Tragedy"). Но уже в 1927 г. писатель, придерживавшийся левых взглядов, приехал в Москву на празднование 10-летия Октябрьской революции и путешествовал по СССР на протяжении 77 дней, с 4 ноября 1927 г. по 13 января 1928 г. И в 1928 г. в СССР начали издавать собрание сочинений Драйзера. В вышедшем в 1928 г. 6-м томе была опубликована «Американская трагедия» в переводе З. А. Вершининой (Драйзер, 1928).

Среди других советских городов Драйзер посетил и Ленинград, где он находился с 26 ноября по 2 декабря 1927 г. Но неизвестно, встречался ли он с Тихоновым. Фамилии Тихонова нет ни в дневнике путешествия Драйзера по СССР (Драйзер, 2018), ни в отчете о поездке в Ленинград сопровождавшего Драйзера уполномоченного ВОКС С. П. Триваса [Панова, Попова, 2023]. Это и неудивительно. Драйзера в СССР принимали сторонники «левого» искусства, в том числе Владимир Маяковский, к которым Тихонов, безусловно, не принадлежал. Однако Тихонов по крайней мере однажды публично высказался о Драйзере. В связи со смертью писателя, последовавшей 28 декабря 1945 г., Тихонов как председатель Союза советских писателей, направил телеграмму председателю Национального совета Американо-советской дружбы Корлису Ламонту следующего содержания:

Глубоко потрясены известием о смерти Теодора Драйзера. Творчество этого выдающегося писателя пользуется заслуженной популярностью в самых широких кругах советских читателей. Его «Американская трагедия», «Сестра Керри» и другие произведения принадлежат к любимым книгам в Советском Союзе. Все его творчество проникнуто чувством неразрывной связи с жизнью, глубокой любви к народу. Его смерть – тяжелая утрата для мировой литературы. В лице Драйзера сошел в могилу не только крупный художник слова, но и передовой общественный деятель, давний друг Советского Союза, борец против фашизма и всех видов реакции. Советские писатели сохраняют благодарную память о нем (Тихонов, 1946).

Здесь вместе с неизбежными официальными штампами, вроде «передовой общественный деятель», проглядывает искреннее восхищение Тихонова Драйзером. И романы «Американская трагедия» и «Сестра Керри» ("Sister Carrie") (1900) упомянуты писателем неслучайно, так как оба эти романа существенно повлияли на творчество Тихонова и прежде всего на сюжет его рассказа «Шутники». Этот рассказ был впервые опубликован в № 3 ленинградского журнала «Звезда» за 1930 г. Поскольку влияние выражено только на уровне сюжета, невозможно определить, читал ли Тихонов, хорошо знавший английский язык, английские оригиналы романов Драйзера или их русские переводы. Роман «Сестра Керри» был переведен на русский язык в 1927 г. (Драйзер, 1927).

В рассказе «Шутники» образ самого Тихонова разделен на автора-рассказчика и на упоминаемого персонажа – литератора, склонного «к заимствованию образцов из военного словаря» и утверждающего: «Винтовка кавалерийского образца со штыком <...> – вот высота среднего героя нашего времени. Танк и трактор – это война и мир нашей эпохи, но без специалистов, преданных своему делу, они оба недействительны. Кроме того, есть уже товарищи, зачитывающиеся Шлиффеном, Триандафиловым, Фуллером, Тухачевским...» (Тихонов, 1985, с. 141)¹.

Эта характеристика увлекающегося военным делом писателя полностью совпадает с той, которую дал Тихонову его друг Константин Федин, отмечавший, что Тихонов как никто другой был верен одной избранной теме – теме войны:

...уже в «Орде» вспыхнул воинский дух, который горит затем во всякой строке, написанной Тихоновым. «Орда» была итогом войны, высказанным на языке поэтическом, и притом – языке революционном. Воинственность была новым качеством этих стихов. Странное и редкое для бывлой русской традиции родство фронтового оружия с оружием поэтическим устанавливал Тихонов, братство боя с поэзией. <...> Тихонов как бы не переносит мирного времени. Когда окончилась гражданская война и он начал следить за тем, как рассеивались и словно исчезали в толпе гражданских одеяний привычные военные шинели, на его лице отразилось огорчение. Романтический герой, собранный в пластичный образ войны, как будто отходил в прошлое. Тихонов не мог примириться с этим грустным расставанием. Он был уверен, что под бесчисленными новыми обличьями и ликами мирных будней живет и набирается силы его добрый знакомый и боевой товарищ – умный полководец, неутомимый солдат либо просто лихая голова – рубака и смельчак. <...> Тихонов – военный писатель во всех отношениях – по свойству возвышенного и прямодушного стиха, по характеру мышления, бесстрашного и предприимчивого, по привязанности к воинскому оружию, по пониманию военного искусства [Федин, 1977, с. 153–155].

Автор-рассказчик тоже является писателем, который возвращается домой после «затянувшейся дружеской беседы» о литературе, причем участники беседы приводили примеры «сюжетных повестей, несмотря на сложную литературную выдумку, казавшихся сухой схемой по сравнению с жизнью» (с. 140). Возможно, имеется в виду собрание литературной группы «Серапионовы братья», членом которой был Тихонов. Рассказчика роднит с Тихоновым, в частности, нежелание писать песни: «Нет, песен не пишу, – ответил я» (с. 152). В то же время из текста рассказа следует, что рассказчик – поэт, так как его знакомый, милиционер Ермолаев, «приписывал моим стихам качества невероятные» (с. 150). А Тихонов был единственным поэтом среди «Серапионов».

Рассказчик, возвращаясь домой, начинает придумывать биографию героя будущего произведения. На собрании, с которого он возвращается, «человек, много путешествовавший» (с. 140) (возможный намек на еще одного «Серапиона» – Николая Никитина, бывавшего на Западе), вспоминает о разрушительном землетрясении в Сан-Франциско 18 апреля 1906 г., когда погибло 3 000 человек, землетрясением и последующим пожаром было разрушено 80 % домов и более 200 тыс. человек лишились жилья. При этом приводится текст телеграммы, которую будто бы послали в горящий город «американские легконогие репортеры», не рискнувшие войти в охваченный пламенем город и расположившиеся на соседних хол-

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

мах: «Сообщите срочно имена героев», и ответ единственного оставшегося в городе телеграфиста: «Героев нет, все слишком заняты» (с. 140). Здесь не только сквозная для творчества Тихонова тема «поисков героя», но и полемика с Джеком Лондоном, который в репортаже о последствиях землетрясения «Рассказ очевидца» утверждал: «Перечислением героических поступков можно было бы заполнить целую библиотеку и обанкротить фонд медали Карнеги» (London, 1906). Тихонов же настаивает, что речь должна идти об обыденной работе, хотя это как бы вывернутый наизнанку тезис Джека Лондона о бесчисленном количестве героев, и в его адрес также могли быть сказаны слова об «американских легконогих репортерах». Но в эпизоде с землетрясением в Сан-Франциско есть и определенные переклички с «Американской трагедией» Драйзера. Хорошо известно, что сюжетом романа послужило убийство Честером Джилеттом своей девушки Грейс Браун, которое произошло в том же году, что и землетрясение в Сан-Франциско.

Тихоновский рассказчик начинает придумывать биографию встреченного на ночной ленинградской улице незнакомца: «Служит он на Октябрьском вокзале, вероятно, официантом. Нет, – решил я, – еще трудней, кухонным уборщиком, моет посуду в буфете» (с. 140). Здесь прямой намек на главного героя «Американской трагедии» Клайда Гриффитса, который начал свою трудовую жизнь с того, что был помощником продавца содовой воды в аптекарском магазине, и в его обязанность входило мыть и чистить сифоны и всю посуду на стойке, где продавали содовую. В данном случае Драйзер наделил Гриффитса эпизодом из собственной биографии, так как писатель начал свою трудовую биографию с того, что убирал и мыл посуду в ресторане в Чикаго. Разница же между Драйзером и его героем состоит в том, что Драйзер всю жизнь боролся против мира больших денег, а Гриффитс, наоборот, стремится стать частью этого мира. Однако в рассказе Тихонова к образу Гриффитса восходит не «спутник номер два», которому рассказчик пытается придумать биографию, не совпадающую с реальной, а совсем другой человек. «Спутник номер два» оказывается племянником мостового сторожа Республиканского (более известен как Дворцовый, название «Республиканский» носил в 1918–1944 гг.) моста Тимофея Матвеевича, электромонтер по профессии. Гриффит же послужил прототипом для антипода племянника – лоцмана Одинцова, который оказывается в центре истории, повторяющей сюжет «Американской трагедии». Вот как эту историю излагает автору Тимофей Матвеевич:

Случилось ему <племяннику. – Б. С.> попасть на глаза одной девочке. Есть такие, знаете, самая она тебе красивая и самая она тебе несчастная. И шелк, и канат вместе. Совпадение умов у них сразу случилось, и купаться они пошли вместе. В лодке катаются, гуляют еще немного и то же самое все чаще, но уже с установкой на полную семейную жизнь.

Тут появляется на их горизонте, где как будто полное счастье, появляется около них лоцман из порта, тоже парень с жилетом, жетоны за стрельбу и за плавание. В общем и целом, птица-лебедь. Подплывает к нашим миленьким, и куда они, туда он, куда они, туда он. И нет им спасения от него. Происходит самое нежелательное (с. 154).

Далее происходит драка между племянником и лоцманом, после которой и случается «загадочное происшествие», основанное на сюжете «Американской трагедии». В изложении Тимофея Матвеевича она выглядит так:

Мой племянник уезжает, берет отпуск по делу к брату, в Череповец, а девицу оставляет в полном испуге перед лоцманом. Так она его пугалась, что по фамилии – зовут Одинцов – не называла, говорила: он. Тут уезжает племяш в полной убежденности и возвращается вовремя, в самый срок, а девицы нет. Было после следствие, и, может, оно так и было, как следствие установило, а может, и не так. Кто хочет – сомневайся. Одинцов показывал: приходит к нему та девица вся в слезах и признает будто бы, что его одного обожает, а моего племяша знать не хочет. Записку ему оставляет. Верно, оставила. В той записке стоит: «Ухожу, до свидания, не жди меня сегодня и завтра». Ну, толкуй записку как хочешь. Одинцов все свое сердце, конечно, говорит, выказал. Утешает ее, и идут они гулять в парк, а оттуда на взморье, на лодке, и что они на лодке делали, неизвестно, но через короткий срок лодка опрокинулась, парусная она была. Одинцов подробно объяснил по-морскому, в чем дело, – вина девицы была, не туда села, что-то сделала не то, лодка опрокинулась, а девица никогда плавать не училась. А его лодкой ушибло, и он успеть не мог помочь, едва сам уцелел. Искали, искали ее и не нашли. Одним словом, ее нет и нет, и все тут (с. 154–155).

Не исключено, что фамилию Одинцов обладателю морской профессии лоцмана Тихонов дал в честь русских адмиралов – контр-адмирала Евстафия Степановича Одинцова (1740–1795) и вице-адмирала Ивана Максимовича Одинцова (1740–1802). Последний, в частности, был управляющим штурманской ротой Морского кадетского корпуса, и Тихонов, который, предположительно, учился в Морском кадетском корпусе, мог видеть там его портрет.

Происшествие с неназванной девицей, в которую влюбились племянник и Одинцов, практически полностью совпадает с тем происшествием, которое Клайд Гриффитс подстроил, чтобы утопить Роберту Олден и представить произошедшее как несчастный случай. У Тихонова Одинцов действует практически так же, как герой «Американской трагедии», и наиболее вероятной версией остается та, что Одинцов намеренно утопил безымянную девицу и не пытался ее спасти, хотя, как подчеркивается в рассказе, отлично плавал (имел «жетоны» – разрядные значки за плавание). Хотя сам Одинцов, как и герой Драйзера, отстаивает версию о несчастном случае и, в отличие от Гриффитса, к суду не привлекается. Зато версию о преднамеренном убийстве, по свидетельству дяди, допускает племянник: «<...> а может быть, он ее убил по несогласию» (с. 155). Тимофей Матвеевич замечает: «Допустим, Одинцов нераскрытый преступник. Задушил, скажем, или утопил нарочно, чтобы она ни ему, ни племяшу не досталась. Значит – насилие, и закон, если это докажет, покарает» (с. 157).

У Драйзера мотив реально случившегося преступления – это устранение беременной любовницы как препятствия к браку с богатой невестой, который должен обеспечить Клайду Гриффитсу вхождение в мир больших денег. У Тихонова подобный мотив возможного преступления исключается, поскольку в СССР мира больших денег просто нет, а, например, похожий по сути сюжет с убийством любовницы для устранения препятствия к браку, открывающему герою путь в ряды партийно-советской номенклатуры, был цензурно совершенно неприемлем. Поэтому оставался единственный серьезный мотив: ревность – «Так не доставайся ж ты никому!», как в «Бесприданнице» (1878) Александра Островского (1975, с. 81). Само же название рассказа Тихонова совпадает с названием комедии Островского «Шутники» (1864), сюжет которой перекликается как с позднейшей «Бесприданницей», так и с романами Драйзера «Сестра Керри» и «Американская трагедия».

В «Шутниках», как и в «Бесприданнице», в центре сюжета судьба двух сестер-бесприданниц (как в «Сестре Керри»), дочерей небогатого отставного чиновника Павла Прохоровича Оброшенова. Жених младшей дочери Верочки молодой и тоже небогатый чиновник Александр Петрович Гольцов, подобно Клайду Гриффитсу, совершает преступление, хотя и не сравнимое по тяжести. На похороны матери он растратил чужие деньги, и долг надо немедленно отдать, иначе Гольцову грозит тюрьма. И никто из богатых соседей Оброшенова не изъявляют желания помочь покрыть долг, а лишь устраивают злые шутки, розыгрыши над бедными людьми. Хэппи-энд происходит только вследствие благородства богатого купца Филимона Протасьича Хрюкова, который берет в жены старшую дочь Оброшенова Анну Павловну, которая моложе его на 35 лет, но жертвует собой ради семьи, выходя замуж за богатого старика. Основная мораль пьесы выражена в заключительной реплике Анны Павловны: «А вот, Верочка, будем жить богато да весело, а главное, не будем ни в ком нуждаться, так перестанут над нами шутить» (Островский, 1974, с. 542). Отсюда следовал вывод о том, что бедность делает людей беззащитными в обществе, где все определяют деньги, что созвучно идеям Драйзера. Тихонов наверняка заметил это сходство, хотя и понимал, что о влиянии Островского на Драйзера не могло быть и речи. Поскольку в СССР официально не было бедных, делать их объектами шуток-розыгрышей было нельзя. И в рассказе Тихонова объектом злой и прямо-таки бесчеловечной шуток-розыгрыша один из героев становится не из-за своего социального положения, а вследствие ревности, а также из-за опасений, что он может разоблачить возможное преступление.

В большей мере, чем к версии убийства, племянник склоняется к другой версии – что Одинцов прячет девицу: «<...> он ходит ко мне и говорит еженедельно: не верю, что померла. Сукин сын, он прячет ее и историю выдумал. У него жетоны за плавание, как он ее спасти не мог. Она, может быть, просто к нему ушла и меня боится. Ее в лодке и не было <...>» (с. 155).

В версию ухода к сопернику как будто вписывается и текст оставленной девицей записки. А вот тут возникает параллель не только с «Американской трагедией», но и с «Сестрой Керри». В начале «Американской трагедии» фигурирует записка, которую оставила родителям старшая сестра Клайда Эста. Ее текст не публикуется, но ясно, что она сообщает о том, что она беременна и уехала с человеком, за которого собирается выйти замуж. Зато в «Сестре Керри» приводится текст аналогичной записки, а тема побега с любимым человеком является основой для сюжета этого романа. Здесь, как и в истории Эсты в «Американской трагедии», художественно осмыслена история сестры писателя Эммы, сбежавшей в Канаду с женатым любовником. В романе Каролина (Керри) Мибер сбегает со своим женатым любовником Джорджем Герствудом, управляющим баром, сначала в Монреаль, а потом в Нью-Йорк, но в дальнейшем решает покинуть его и пишет ему записку, которая начинается так: «Дорогой Джордж! <...> Я ухожу. Я больше не вернусь» (Dreiser, p. 345). Эта записка очень похожа на ту, которую оставила девица в рассказе Тихонова, но только вместо определенного «больше не вернусь» в «Шутниках» фигурирует неопределенное «не жди меня сегодня и завтра», что допускает позднейшее возвращение и открывает почву для различных версий. Эта неопределенность присутствует и в «Американской трагедии». Драйзер изображает Гриффитса как человека нерешительного, и он вплоть до са-

мой казни не уверен, намеренно или случайно он ударил Роберту фотоаппаратом, что и привело к ее гибели.

В «Сестре Керри» Джордж Герствуд, после того как от него сбежала Керри, опускался все ниже и ниже по социальной лестнице и в конце концов покончил с собой. Нечто подобное происходит и с племянником у Тихонова, хотя и без трагического исхода. По словам дяди, племянник после исчезновения возлюбленной «сковырнулся. Дело забросил, там порчи разные пошли, недочеты, прогулы, чуть его в шею не гонят <...> И сидит и твердит одно. Черт с ним, с делом! Люблю ее больше всего на свете» (с. 155).

В то же время предположение, что девица ушла к Одинцову, и он ее прячет, выглядит абсурдно. Спрятать взрослого здорового человека в Ленинграде тогда было довольно затруднительно. И таким образом Тихонов дает понять читателям, что девица, скорее всего, погибла, и этой версией племянник лишь утешает себя, веря, что возлюбленная может быть жива.

Рассказчик Тихонова сравнивает свою встречу с дядей, племянником и милиционером на Республиканском мосту с немым кинофильмом: «Ожидавшие за рогаткой вытягивали шеи, но расстояние было все же большое. Им пришлось удовлетвориться нашей мимикой. Если мы и изображали для них кино, то отнюдь не звуковое» (с. 149). Здесь можно усмотреть намек на снятый в Голливуде немой фильм немецкого режиссера Фридриха Вильгельма Мурнау «Восход солнца» (“Sunrise: A Song of Two Humans”, 1927), который считается его лучшим фильмом и одним из лучших фильмов мирового кинематографа. Сюжет «Восхода солнца» частично совпадает с сюжетом «Американской трагедии». В фильме главные персонажи обозначены как *Мужчина* (Джордж О’Брайен), *Жена* (Дженет Гейнор) и *Женщина Из Города* (Маргарет Ливингстон). Мужчина влюбляется в *Женщину Из Города*, и та убеждает его устроить *Жене* «несчастный случай». *Мужчина* вывозит *Жену* на лодочную прогулку и должен ее утопить. Однако уже в лодке он понимает, что не сможет убить *Жену*. Та, догадавшись, что *Мужчина* собирался ее убить, сбегает от него. Он ее догоняет и вымаливает прощение. Они восстанавливают отношения. На обратном пути лодка попадает в шторм, и *Жена* оказывается за бортом. *Мужчина* пытается ее спасти, но течение уносит *Жену*. Доплыв до берега, *Мужчина* организует ее поиски. Тут появляется *Женщина Из Города*, которая думает, что *Мужчина*, как и планировалось, утопил *Жену*. *Мужчина* в ярости набрасывается на нее, но тут приходит весть, что *Жена* найдена живой, и *Мужчина*, оттолкнув *Женщину Из Города*, бросается к *Жене*, которая обнимает его на фоне восходящего солнца.

Из фильма Мурнау Тихонов, скорее всего, почерпнул сюжетный ход, согласно которому судьба героини (*Жены*) на какое-то время остается неизвестной. В «Шутниках» Одинцов, которого племянник грозился убить, подговаривает своего знакомого из водолазной команды послать племяннику время от времени анонимные записки, что труп его возлюбленной найден и надо его опознать, тогда как на самом деле у водолазов, по словам дяди «...его никто и не ждал. А утопленник найден какой-нибудь пьянчуга, и племяшу, конечно, все это очень неприятно. Мучается человек, а они его тем и изводят» (с. 155).

И в финале рассказа племянник осуществляет страшную месть Одинцову. Узнав, что в ночь под Республиканским мостом будет проходить транспорт, кото-

рый ведет Одинцов, он устраивает провокацию, следствием которой становится небольшая авария, без человеческих жертв:

Когда судно сделало свой маневр и устремилось в коридор междустенья, племяш закричал в рупор длинным и отчаянным каким-то голосом, точно у него от науги рвалось горло. Он кричал навстречу пароходу:

– Один-цо-о-о-о-о-в, убью тебя, сволочь! На дне достану! Одинцов! Слышишь, убью! Слышишь! Одинцо-о-о-о-о-в!

Потом мы увидели, как верхушка мачты задела верхний край поднятого мостового барьера. Дрогнула рука на штурвале, ошибся Одинцов или испугался крика, но мачта задела непроницаемый верхний барьер моста, висящий неодолимо в воздухе. Послышался узкий треск, как от сломанной тросточки, и верхушка мачты секунду стояла неподвижно, потом стала клониться и рухнула, треща, с быстротой вниз. Пароход вошел в середину прохода и исчез с глаз (с. 160).

Эта бескровная авария вызывает у Тимофея Матвеевича гораздо больше эмоций и возмущения, чем вероятная гибель безымянной девицы по вине Одинцова. Он обращается к племяннику: «Такую вещь испортил, пес! Ну, брат, и будет тебе. Такую вещь испортил. Чувств своих не сдержал». И о том же Тимофей Матвеевич говорит в заключительных словах рассказа, обращенных к автору: «Только себя во всем видят, вот и пошутили с вещью, а вещь шутки не любит» (с. 161).

Точно так же толпа, собравшаяся на мосту в ожидании, когда его вновь сведут после завершения прохода судов, воспринимает аварию с пароходом как настоящую античную трагедию: «Толпа кидала руки вверх и в стороны» (с. 161).

Если, с точки зрения Тихонова, Драйзер большой трагедии землетрясения в Сан-Франциско противопоставил маленькую трагедию гибели двух человек (а с точки зрения американского писателя, казнь Клайда – это тоже трагедия), то в «Шутниках» идет дальнейшее снижение трагического. Как настоящая трагедия окружающими воспринимается не вероятная гибель возлюбленной племянника, а не такое уж значительное повреждение парохода из-за мести племянника Одинцову. Получается, что полезную и дорогую вещь, вроде парохода, в СССР ценят дороже, чем жизнь человека. А уж наказание возможного убийцы Одинцова превращено в настоящий фарс. Максимум, что ему грозит, – это увольнение с должности лоцмана. И, в отличие от одноименной комедии Островского, в тихоновских «Шутниках» шутят не столько не только над людьми, но и над вещью.

Подобный прием, когда малозначительное событие выдается за настоящую трагедию, тогда как подлинную трагедию не замечают, присутствует у Тихонова также в рассказе «Вечный транзит», впервые опубликованном в 1933 г. в альманахе «Год шестнадцатый» (Альманах второй). Здесь тоже действует писатель-рассказчик, имеющий автобиографические черты, вроде поездки в Туркмению, но для маскировки наделенный осетинской фамилией Нарастаев. И этот писатель безуспешно пытается подобрать сюжет для романа, который должен «нести философию социальной революции» (с. 191). На самом деле для Тихонова эта задача была в принципе неразрешима. Он два года сражался против красных боевым офицером в армиях Юденича и Врангеля, и свое отношение к большевикам не изменил до конца жизни, хотя крайне удачно к ним приспособился, скрыв белогвардейское прошлое [Соколов, 2025]. Но приспособиться – это одно, а написать роман-эпопею с революционных позиций – совсем другое. Если бы Тихонов стал писать искренне, то получилось бы что-нибудь еще более антисоветское, чем

пастернаковский «Доктор Живаго», и без всяких шансов пройти через цензуру. Поэтому Тихонов романа так и не написал.

Главной трагедией в «Вечном транзите» выглядит эпизод, когда проводник вагона, вскакивая в вагон на остановке, случайно потерял книжку с билетами пассажиров:

Проводник с шафренным лицом и усами, опущенными как в воду, походил на китайца <...> Книжку-то, где билеты от всех пассажиров хранятся, он возьми да и урони, да под откос она и пошла, а поезд уже на ходу был. Что вы с ней теперь сделаете?.. Сколько ежжу – первый случай такой. Большая беда ему пришла. <...> Книжку-то обронил он. Это что такое? Это на каждой станции вылезай, да иди, да доказывай, какому пассажиру где транзит, да какие документы, да одними актами замучат. А он-то ведь не первый год вагоны обхаживает. И сидит вот как кремень, пожелтел с лица (с. 183–185).

Подлинная же трагедия запечатлена в сцене появления в вагоне нищенки с дочкой, выдающей себя за цыганку, хотя цыганкой не является:

– Я не цыганка, видишь, ты знаешь, я не цыганка. Я тебе песню спою нашу.

И, не дожидаясь приглашения, она пропела басом, чуть приплясывая. Девочка испуганно смотрела на мать.

Алтын-балтын яртанга
Бисборамис баттанга
Бисборамис баттанга
Манке шимес Бухара
Перстений, золотой.
Таньш мама
Чжан ссыгда будет дорогой!

– Дай двадцать копеек, – сказала она обыкновенным голосом побирушки, – ну, дай.

– Не цыганка ты, – сказал краском, – не верю.

– А кто ж я, по-твоему?

– Черт тебя знает. Может, ты классовый враг какой. Поди тебя разбери.

– А девочку обижать зачем, зачем враг говорить? Плачь, дочка (с. 188).

Но страдания двух нищенок оставляют равнодушными пассажиров, и это равнодушие – тоже само по себе трагедия. Тихонов по условиям цензуры не мог прямо сказать, откуда взялись эти нищенки. Но писатель оставил в тексте рассказа прозрачный намек на их происхождение. Нарастаев сокрушается, что «по ходу действия по плану шестнадцатой главы его романа требовался кулак. Он стоял, изможденный собственной злобой, в разорванной рубахе, в новых сапогах. Он сжег последнее зерно, чтобы оно не досталось никому, и вывел детей на дорогу, голых и голодных. <...> Кулак явно не удавался» (с. 185).

1933 год – это год насильственной коллективизации, раскулачивания и вызванного ими массового голода. Поэтому нищие из голодающих губерний были тогда обычным явлением в поездах. Эту трагедию народа и запечатлел Тихонов в «Вечном транзите», хотя и вынужден был говорить о ней иносказательно. А изображение кулака как главного виновника голода в так и не написанном романе Нарастаева дано в полном соответствии с пропагандистскими установками, но и с очевидной иронией, как неудавшийся образ.

У Тихонова есть еще один очень короткий рассказ, где также присутствует скрытая ирония по отношению к большевикам. Это – «Рассказ о Щорсе». Он был написан в 1940–1941 гг. под влиянием фильма режиссера Александра Довженко «Щорс» (1939) и должен был войти в большую «Книгу для чтения» для детей, но в связи с началом Великой Отечественной войны эта антология не была издана, и Тихонов опубликовал «Рассказ о Щорсе» только в 1956 г. в сборнике «Рассказы». Сюжет рассказа, действие которого происходит летом 1919 г., сводится к тому, что Щорс вместе с товарищами едет на автомобиле по степи и навстречу им попадаетея грузовик с петлюровцами. Из-за облака пыли те не могут разглядеть, кто находится во встречном автомобиле, красные или свои. Щорс пользуется этим, сблизается с грузовиком, бросает в него гранату, а потом на полной скорости уезжает. Тихонов никогда не встречался с Николаем Александровичем Щорсом, которого с легкой руки Сталина, поручившего Довженко снять фильм о Щорсе, чтобы утвердить советский миф гражданской войны на Украине, стали называть «украинским Чапаевым», и именно так называет Тихонов Щорса в своем рассказе. Не исключено, что писатель услышал эту историю от кого-то из соратников Щорса. Однако ни в фильме Довженко, ни в первой биографии Щорса, написанной его соратником Иваном Наумовичем Дубовым и впервые опубликованной в 1935 г. (Дубовой, 1935), этого эпизода нет. Поэтому нельзя исключить, что Тихонов этот эпизод придумал по аналогии с сюжетом своего же «Рассказа о Буденном» для той же антологии, где Буденный вместе со своим ординарцем неузнанным попадает к белоказакам, а потом успешно берет их в плен (с. 437–439). Вот этот рассказ Тихонов точно слышал либо от самого Семена Михайловича Буденного, либо от кого-то из его соратников, так как эта история гораздо более подробно изложена в первом томе мемуаров Буденного «Пройденный путь», изданных в 1958 г. (Буденный, 1958, с. 94–97). Маршал Буденный был жив и в 1941, и в 1956 г., так что какая-то пародия в его адрес в рассказе Тихонова исключалась. Семен Михайлович очень внимательно и критически читал все, написанное о себе, что показала история с «Конармией» Исаака Бабеля. А вот в «Рассказе о Щорсе», как и в «Шутниках» и в «Вечном транзите», Тихонов допустил скрытую иронию. У него в начале рассказа «Смотрит Щорс на эти поля и говорит: “Смотрите, вот он, наш родной советский простор!”», а в финале «Щорс сорвал с головы фуражку, стукнул ею о колено, сказал: “До смерти живы будем!” – и засмеялся» (с. 439, 440). Здесь можно увидеть пародию на следующие слова из фильма: «Будет жить Радянська власть, пока свет стоит <...>» (Довженко, 1966, с. 181). С учетом реальной судьбы Щорса эти слова выглядят как злая ирония. Раз действие рассказа происходит летом 1919 г., то жить Щорсу оставалось считанные недели, если не дни. Ведь уже 30 августа 1919 г. Щорс был убит в бою с наступавшей на Киев Украинской Галицкой Армией. Вероятно, Тихонов обратил внимание на то, что в финале фильма отсутствует сцена гибели Щорса, хотя первоначально эта сцена под названием «Последний бой Щорса» в сценарии была и даже публиковалась в газете «Вечерняя Москва» 21 марта 1937 г. (Довженко, 1966, с. 342). Причины ее исключения могли быть как эстетические, так и политические. С одной стороны, Довженко мог решить, что не стоит показывать гибель героя, чтобы сильнее подчеркнуть его бессмертие. С другой стороны, И. Н. Дубовой, консультировавший фильм Довженко и к тому времени дослужившийся до командарма 2-го ранга, в августе 1937 г. был арестован, а в июле

1938 г. расстрелян, причем среди прочих сфальсифицированных обвинений ему инкриминировали убийство Щорса. В сценарии же Довженко гибель Щорса описывалась в полном соответствии с мемуарами Дубового – как следствие рокового выстрела галицийского пулеметчика. Данное обстоятельство также могло стать причиной изъятия этой сцены из фильма. Стоит отметить, что позднейшая экспертиза полностью подтвердила версию Дубового – в черепе Щорса был обнаружен манлихеровский винтовочный патрон, выпущенный из винтовки «Манлихер» или пулемета «Шварцлозе», которые были на вооружении только у галицийцев [Гимпельсон, Пономарев, 2010].

Таким образом, сюжеты «Американской трагедии» и «Сестры Керри» Драйзера послужили основой для сюжета рассказа Тихонова «Шутники», причем трагичность происходящего в рассказе сознательно снижена в целях скрытой сатиры на советское общество, где трагедия человека снижена до трагедии вещи. Также, как показано в «Шутниках», отразившееся в очерке Дж. Лондона «История очевидца» Большое землетрясение в Сан-Франциско, происшедшее в том же году, что описанная в «Американской трагедии» история, по своему масштабу было несоизмеримо с преступлением Клайда Гриффита. Присутствующий в «Сестре Керри» мотив побега с любимым человеком, характерный для «Сестры Керри», в рассказе Тихонова используется для осложнения сюжета и внесения неопределенности в судьбу героини. Примененный в тихоновских «Шутниках» прием, когда в восприятии окружающих подлинная трагедия подменяется мнимой, применен Тихоновым в рассказе «Вечный транзит» и «Рассказе о Щорсе». В рассказе «Шутники» также отразились сюжеты пьес А. Н. Островского «Шутники» и «Бесприданница», на что, как и в случае с романами Драйзера, есть прямые указания в тексте тихоновского рассказа. Основная идея указанных пьес Островского, заключающаяся в том, что бедность делает людей беззащитными в обществе, где все определяется материальным богатством, созвучна идеям Драйзера. Однако Тихонову социальные мотивы Драйзера и Островского, по цензурным условиям, приходилось заменять личностными, вроде ревности в «Шутниках», а также тщательно маскировать сатиру в «Вечном транзите» и «Рассказе о Щорсе».

Список литературы

Гимпельсон Е. А., Пономарев Е. В. А были ли убийцы? Тайна гибели легендарного нацива Н. А. Щорса: взгляд сквозь годы // Военно-исторический журнал. 2010. № 11. С. 44–47.

Панова О. Ю., Попова В. Ю. Теодор Драйзер в Ленинграде. Новые материалы // Литература двух Америк. 2023. № 15. С. 16–41.

Соколов Б. В. Белый офицер Николай Тихонов: «Гвозди бы делать из этих людей!» // Родина. 2025. № 2. С. 40–44.

Федин К. А. Горький среди нас: Картины литературной жизни. М.: Сов. писатель, 1977. 387 с.

Список источников

Буденный С. М. Пройденный путь. М.: Воениздат, 1958. Кн. 1. 448 с.

Довженко А. Д. Собр. соч.: В 4 т. / Под ред. Ю. Я. Барабаша, С. С. Гинзбурга; сост. Ю. И. Солнцева. М.: Искусство, 1966. Т. 1. 356 с.

Драйзер Т. Сестра Керри / Пер. с англ. М. Г. Волосова. Л.: Мысль, 1927. 388 с.

Драйзер Т. Американская трагедия: Роман / Пер. с англ. З. А. Вершининой // Драйзер Т. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л.: Земля и фабрика, 1928. Т. 6. 831 с.

Драйзер Т. Русский дневник / Пер. с англ. Е. Кручиной. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

Дубовой И. Н. Мои воспоминания о Щорсе. Киев: Гос. военное изд-во «На варті», 1935. 46 с.

Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Е. Г. Холодова; подгот. текста и коммент. Е. И. Прохорова, Л. Н. Смирновой, И. Г. Ямпольского. М.: Искусство, 1974. Т. 2. 808 с.

Островский А. Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. В. Я. Лакшина; подгот. текста и коммент. Е. И. Прохорова. М.: Искусство, 1975. Т. 5. 543 с.

Тихонов Н. С. Памяти большого художника // ЛГ. 1946. 5 янв. № 2. С. 4.

Тихонов Н. С. Собр. соч.: В 7 т. / Сост. В. А. Тихоновой, И. А. Чепик; коммент. И. Л. Гринберга, М. И. Земской. М.: Худож. лит., 1985. Т. 3. 526 с.

Dreiser T. Sister Carry. Freeditorial. 395 p. [An Electronic copy]. URL: https://web.seducoahuila.gob.mx/biblioweb/upload/sister_carrie__by_theodore_dreiser.pdf (дата обращения 29.11.2025).

London J. The Story of an Eyewitness (Collier, 1906, May 5) // Jack London's Journalism [An Electronic copy]. URL: <https://web.archive.org/web/20101005020013/http://london.sonoma.edu/Writings/Journalism/sfearthquake.html> (дата обращения 05.05.2025).

References

Fedin K. A. Gorky sredi nas: Kartiny literaturnoi zhizni [Gorky among us: Pictures of literary life]. Moscow, Sovetskii Pisatel', 1977, 387 p. (in Russ.)

Gimpelson E. A., Ponomarev E. V. A byli li ubiitsy? Taina gibeli legendarnogo nachdiva N. A. Shchorsa: vzglyad skvoz' gody [Were there any murderers? The mystery of the death of the legendary division's commander N. A. Shchors: a look through the years]. *Voenno-istoricheskii zhurnal [Military History Journal]*, 2010, no. 11, pp. 44–47. (in Russ.)

Panova O. Yu., Popova V. Yu. Theodor Dreiser v Leningrade: novye materialy [Theodor Dreiser in Leningrad. New materials]. *Literatura dvukh Amerik [Literature of two Americas]*, 2023, no. 15, pp. 16–41. (in Russ.)

Sokolov B. V. Belyi ofitser Nikolai Tikhonov: “Gvozdi by delat' iz etikh lyudei!” [White officer Nikolai Tikhonov: “Nails should be made of these people!”]. *Rodina [Homeland]*, 2025, no. 2, pp. 40–44. (in Russ.)

List of Sources

Budyonny S. M. Proidennyi put' [The traveled path]. Moscow, Voenizdat, 1958, book 1, 448 p. (in Russ.)

Dovzhenko A. D. Collected works. In 4 vols. Ed. by Yu. Ya. Barabash, S. S. Ginzburg; comp. by Yu. I. Solntsev. Moscow, Iskusstvo, 1966, vol. 1, 356 p. (in Russ.)

Литературная жизнь сюжета

Dreiser T. Amerikanskaya tragediya: Roman [An American Tragedy: A Novel]. Transl. from English by Z. A. Vershinina. In: Dreiser T. Collected works. In 9 vols. Moscow, Leningrad, Zemlya i fabrika, 1928, vol. 6, 831 p. (in Russ.)

Dreiser T. Russkii dnevnik [Russian Diary]. Transl. from English by E. Kruchina. Moscow, Eksmo, 2018, 320 p.

Dreiser T. Kerry's Sister. Transl. from English by M. G. Volosova. Leningrad, Mysl, 1927, 388 p. (in Russ.)

Dreiser T. Sister Carry. Freeditorial. 395 p. [An Electronic copy]. URL: https://web.seducoahuila.gob.mx/biblioweb/upload/sister_carrie_by_theodore_dreiser.pdf (accessed: 29.11.2025).

Dubovoy I. N. Moi vospominaniya o Shchorse [My memories of Shchors]. Kiev, State Military Publishing House "Na varti", 1935, 46 p. (in Russ.)

London Jack. The Story of an Eyewitness (Collier, 1906, May 5). Jack London's Journalism [An Electronic copy]. URL: <https://web.archive.org/web/20101005020013/http://london.sonoma.edu/Writings/Journalism/sfearthquake.html> (accessed: 05.05.2025).

Ostrovsky A. N. Complete works. In 12 vols. Ed. by E. G. Kholodov; text prep. and comment. by E. I. Prokhorov, L. N. Smirnova, I. G. Yampolsky. Moscow, Iskusstvo, 1974, vol. 2, 808 p. (in Russ.)

Ostrovsky A. N. Complete works. In 12 vols. Ed. by V. Ya. Lakshin; text prep. and comment. by E. I. Prokhorov. Moscow, Iskusstvo, 1975, vol. 5, 543 p. (in Russ.)

Tikhonov N. S. Pamyati bol'shogo khudozhnika [In memory of the great artist]. *Literaturnaya gazeta*, 1946, January 5, no. 2, p. 4. (in Russ.)

Tikhonov N. S. Collected works. In 7 vols. Comp. by V. A. Tikhonova, I. A. Chepik; comment. by I. L. Grinberg, M. I. Zemskoy. Moscow, Fiction, 1985, vol. 3, 526 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Борис Вадимович Соколов, доктор филологических наук, кандидат исторических наук

Information about the Author

Boris V. Sokolov, Doctor of Sciences (Philology), Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 26.01.2026;
одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 09.02.2026
The article was submitted on 26.01.2026;
approved after reviewing on 09.02.2026; accepted for publication on 09.02.2026*